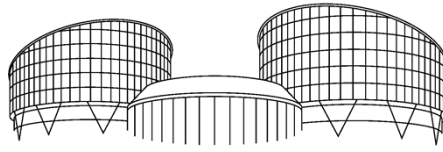

Перевод постановления выполнен по заказу МРОО «Комитет против пыток»
Translated as per the request of the NGO Committee Against Torture

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

Дело «А. против РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

(Жалоба № 37735/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 3 • Позитивные обязательства • Бесчеловечное обращение •
Унижающее достоинство обращение • Применение во время
задержания насилия к отцу, не оказывающему сопротивления, в
присутствии его девятилетнего ребенка • Эффективное расследование
• Ненадлежащее расследование заслуживающих доверия утверждений
о жестоком обращении со стороны сотрудников полиции

СТРАСБУРГ

12 ноября 2019 г.

ВСТУПИЛО В СИЛУ

12/02/2020

*Данное постановление является окончательным в соответствии со
статьей 44(2) Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной
правке.*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ «А. против РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
Перевод постановления выполнен по заказу МРОО «Комитет против пыток»
Translated as per the request of the NGO Committee Against Torture

По делу «А. против Российской Федерации»,

Европейский суд по правам человека (Третья секция), заседая
Палатой в следующем составе:

Paul Lemmens, *Председатель,*

Georgios A. Serghides,

Paulo Pinto de Albuquerque,

Helen Keller,

Dmitry Dedov,

Alena Poláčková,

María Elósegui, *судьи,*

и Stephen Phillips, *Секретарь Секции,*

Рассмотрев дело в закрытом заседании 15 октября 2019 г.,

Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№37735/09) поданной в Европейский суд по правам человека (далее — Суд) против Российской Федерации гражданкой Российской Федерации, г-жой А. (далее — Заявительница), 14 апреля 2009 г. в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). Председатель Секции удовлетворил ходатайство заявительницы о сохранении анонимности (Правило 47(4) Регламента Суда).

2. Интересы заявительницы первоначально представляла ее мать, а в последующем г-жа О.А. Садовская, юрист, практикующий в Нижнем Новгороде. Власти Российской Федерации (далее также — Государство, Правительство, Российские власти) были представлены М. Гальпериным, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявительница утверждала, в частности, что российские власти, осуществив в ее присутствии задержание ее отца с применением физической силы, нарушили ее права, признанные в Конвенции.

4. 11 сентября 2017 г. жалоба была коммуницирована Правительству.

ФАКТЫ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница, 1998 года рождения, проживает в Апшеронске.

А. Задержание отца заявительницы

6. 31 мая 2008 г. отец заявительницы (Б.), являвшийся на момент событий сотрудником отдела полиции по Апшеронскому району (далее – ОМВД по Апшеронскому району), был задержан сотрудниками регионального управления Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Краснодарскому краю (далее — ФСКН) в результате проведения проверочной закупки наркотических средств. Оперативно-розыскные мероприятия проводились сотрудниками отдела ФСКН по г. Туапсе и Белореченского отдела управления Федеральной службы безопасности по Краснодарскому краю (далее – Федеральная служба безопасности). В результате обыска автомобиля Б. была изъята сумка с деньгами. В тот же день в отношении него следователем ФСКН, А.Ф., было возбуждено уголовное дело на основании протокола проверочной закупки наркотических средств, составленного сотрудниками ФСКН. Б. было предъявлено обвинение в связи со сбытом каннабиса (марихуаны) Е.Н., сотруднику отдела ФСКН по г. Туапсе, который принимал участие в оперативных мероприятиях в качестве покупателя. Согласно предъявленному обвинению, 30 мая 2008 г. Б. передал наркотические средства Е.Н. и 31 мая 2008 г. получил от него деньги непосредственно перед задержанием.

7. Задержание производилось в присутствии заявительницы, которой на момент событий было девять лет. В тот день Б. отвел ее в школу на мероприятие, посвященное окончанию учебного года. Около 08:45 заявительница в сопровождении Б. вышла из школы и стала садиться в их машину, когда к Б. подошел Е.Н., ранее работавший вместе с Б. в ОМВД по Апшеронскому району, и начал разговаривать с ним. Утверждения сторон о последовавших событиях расходятся.

1. Версия заявительницы о событиях 31 мая 2008 г.

8. По словам заявительницы, Е.Н. попросил Б. присмотреть за его сумкой на время, пока он ходит в ближайший киоск за сигаретами. Б. взял сумку, и Е.Н. ушел. После этого несколько мужчин подбежали к Б. Один из них повалил Б. на землю и начал избивать. Заявительница выскочила из машины и начала кричать, чтобы ее отца прекратили бить. Один из мужчин закричал на нее: «Закрой рот и сядь в машину!»

Заявительница испугалась и повиновалась. Некоторое время она находилась в машине и наблюдала, как ее отца задерживают с применением физической силы. Она плохо себя чувствовала, ей не хватало воздуха. Она попыталась выйти из автомобиля, но не смогла, поскольку мужчины удерживали дверцы снаружи. В определенный момент, когда мужчины отошли от машины, она открыла дверцу и побежала домой. Возле своего дома она увидела выходящих оттуда неизвестных мужчин. Она испугалась и побежала к дому своей бабушки, проживавшей неподалеку. Во время бега она начала испытывать головокружение и думала, что упадет. Ее дядя, В.К., увидел заявительницу на улице и отвел к себе домой. Она находилась в состоянии шока и не могла объяснить, что произошло.

9. Заявительница представила письменные объяснения своего отца. Она также представила свои объяснения, объяснения своей матери и других свидетелей, зафиксированные адвокатом межрегиональной общественной организации «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных», Р.В., и подписанные опрошенными.

10. Согласно объяснениям Б. от 20 июля 2008 г., 31 мая 2008 г. в 07:45 он отвел свою дочь, А. (заявительницу), на школьное мероприятие в школу №1. Вскоре после 08:00 ему позвонил Е.Н. и спросил, где Б. находится. Б. ответил, что он находится в школе вместе со своим ребенком. Когда он вместе с А. вышел из школы, Е.Н. уже ждал его. А. села в их машину, Б. некоторое время разговаривал с Е.Н., после чего тот попросил Б. присмотреть за его сумкой, пока он сходит в ближайший киоск за сигаретами. Е.Н. ушел, и Б. вернулся к дочери, ожидавшей, когда они вместе отправятся домой. Поскольку Е.Н. не вернулся, Б. положил его сумку в багажник своей машины и уже сам собирался сесть в нее. В этот момент неподалеку остановилась машина, и из нее выскочили мужчины в спортивных костюмах. Они повалили Б. на землю и начали пинать. Он попытался закрыть лицо руками. К нему были применены наручники, затем его подняли с земли. Во время избиения ему порвали рубашку. Его дочь видела, как его избивали. В.Е., заместитель руководителя отдела ФСКН по г. Туапсе, сообщил ему, что он был задержан в связи со сбытом наркотических средств. Б. попросил В.Е. отпустить А. домой или в школу к ее учителю. В.Е. отказался. А. попыталась сама выйти из машины, однако два сотрудника правоохранительных органов, которые находились по обе стороны от машины, заблокировали дверцы. Когда сотрудники открыли багажник его машины, Б. увидел, что А. сильно напугана. Он умолял В.Е. и остальных отпустить ее, но они отказались. Б. попытался успокоить А., попросил ее потерпеть. Описываемые события продолжались около часа. Когда сотрудники правоохранительных органов перестали следить за дверцами, А. выбралась из машины и побежала домой.

11. Согласно объяснениям заявительницы от 15 августа 2008 г. о событиях 31 мая 2008 г., зафиксированным в присутствии ее матери, неизвестный мужчина подбежал к Б. и толкнул его в спину. Б. упал, и мужчина начал пинать его. Б. просил, чтобы А. отпустили домой или позволили связаться с ее матерью, которая могла бы прийти и забрать А., однако его не слушали. Заявительница описала некоторые особенности внешности лиц, участвовавших в задержании Б.

12. Согласно объяснениям матери заявительницы от 2 августа 2008 г., 31 мая 2008 г. около 07:45 при выходе из дома в школу ее дочь, А. (заявительница), и ее муж, Б., не имели телесных повреждений и не жаловались на здоровье. Позже в то же утро она нашла свою дочь в доме родственников. Ее дочь находилась в состоянии шока, не могла говорить и испытывала трудности с дыханием. Ее трясло, ее руки и лицо дрожали. В то утро сотрудники ФСКН привезли ее мужа на машине домой, чтобы провести обыск. Его руки были закованы в наручники. На его джинсах имелись следы грязи и пыли. Его рубашка была растегнута и порвана в нескольких местах, несколько пуговиц было оторвано. Его лицо было бледным.

13. Согласно объяснениям свидетеля Р.Г., электрика ООО «Энергосервис», от 2 августа 2008 г., 31 мая 2008 г. около 08:30 он проверял светофор на пешеходном переходе возле школы № 1. Заменив лампочку в светофоре, он спустился вниз и увидел полицейского Б., направлявшегося к машине со стороны водительской дверцы. На заднем сиденье машины сидела девочка. В этот момент С.К., сотрудник ФСКН, одетый в синий спортивный костюм, подошел к Б. и ударил его сзади так, что тот упал лицом вниз, после чего С.К. начал наносить Б. удары ногами. Б. закрывал голову руками, пытаясь защититься от ударов. С.К. продолжал наносить удары, пока кто-то не крикнул, чтобы он прекратил избивать Б. Девочка тоже кричала. Заместитель руководителя ФСКН и еще один человек присутствовали при избиении Б. Сразу после этих событий Р.Г. уехал на своей служебной машине проверять другие светофоры. Р.Г. знал имена сотрудников полиции, поскольку обслуживал системы электроснабжения местного отдела полиции и ФСКН.

14. Согласно объяснениям В.К., сотрудника ОМВД по Апшеронскому району и двоюродного брата Б., от 15 августа 2008 г., 31 мая 2008 г. около 10:30 утра он возвращался домой после работы и встретил А., дочь Б., которая куда-то бежала. А. остановилась, увидев его, и сказала, что неизвестные избивают ее отца. Она была очень напугана, заикалась и задыхалась от нехватки воздуха. В.К. отвел ее к себе домой и позвонил ее матери.

15. Согласно объяснениям Г.А., преподавателя заявительницы по классу скрипки, от 15 августа 2008 г., до событий 31 мая 2008 г. заявительница был общительной, жизнерадостной, трудолюбивой,

способной и перспективной ученицей. После указанных событий она стала замкнутой, ее успеваемость снизилась. Она начала быстро уставать и хотела бросить занятия скрипкой.

16. Мать заявительницы представила фотографии рубашки Б., которая была на нем во время задержания. Пуговицы отсутствовали, за исключением трех в нижней части рубашки. Рубашка была порвана в тех местах, где раньше были пуговицы.

2. Версия властей о событиях 31 мая 2008 г.

17. Согласно утверждениям Правительства, во время задержания Б. к нему не применялась физическая сила, с заявительницей не обращались так, как она утверждала. Правительство ссылалось на материалы, полученные из изолятора временного содержания (далее — ИВС), в котором содержался Б. (см. пункт 27), а также на «объяснения» сотрудников ФСКН С.К., В.Д., А.О., В.Е., Е.Н. И С.С. (см. пункты 24, 36 и 38), сотрудника Федеральной службы безопасности С.П. (см. пункт 39), сотрудников ОМВД по Апшеронскому району К.А. и М.И. (см. пункт 37), показания понятых А.Ш. и П.М. (см. пункты 31 и 35), а также А.З. сотрудника ФСКН, проводившего служебную проверку (см. пункт 40).

В. Состояние здоровья заявительницы после событий 31 мая 2008 г.

18. Заявительница описала свое состояние здоровья после событий 31 мая 2008 г. следующим образом. Она начала кричать по ночам, мочиться и страдать от панических атак, когда оставалась в одиночестве. Она перестала общаться с другими детьми, стала замкнутой, потеряла жизнерадостность, начала испытывать трудности с речью, у нее развился тремор лица и конечностей. Она потеряла интерес к музыке, несмотря на то, что раньше успешно училась игре на скрипке.

19. 3 июня 2008 г. заявительница была осмотрена неврологом, у нее были диагностированы неврологическое расстройство и неврозоподобный энурез. 6 июня 2008 г. заявительницу обследовал психолог, заявительница жаловалась на стресс, из-за которого она стала нелюдимой, начала испытывать страх и кричать по ночам. У нее были диагностированы посттравматическое стрессовое расстройство, высокий уровень тревожности и фиксация на стрессовой ситуации. Диагноз посттравматического стрессового расстройства был подтвержден 25 июня 2008 г. детскими психиатрами и психологами Специализированной клинической психиатрической больницы №1 (далее — психиатрическая больница) и Детской краевой клинической

больницы (далее — краевая больница) г. Краснодара. В тот же день невролог краевой больницы также диагностировал у заявительницы нейрогенную гиперрефлексию мочевого пузыря. Кардиолог той же больницы подтвердил имевшийся у нее диагноз — пролапс митрального клапана. Она проходила амбулаторное лечение и наблюдалась в Центральной районной больнице Апшеронского района. В июле и августе 2008 г. она снова прошла обследования в связи с пост-травматическим стрессовым расстройством.

20. Как следует из протокола показаний заявительницы, зафиксированных адвокатом 12 октября 2017 г., состояние ее здоровья улучшилось после освобождения отца. Энурез почти прекратился, однако ночные кошмары продолжались еще около двух лет. Она подтвердила, что в настоящее время у нее нет никаких проблем со здоровьем.

21. Согласно предварительному заключению Д.С., психолога «Бюро независимой экспертизы *«Версия»* (г. Москва, г. Санкт-Петербург), обследовавшего заявительницу 15 февраля 2018 г. и изучавшего ее медицинские документы, между событиями 31 мая 2008 г. и изменениями состояния здоровья заявительницы сразу после этого могла существовать причинно-следственная связь, продолжавшаяся более двух лет. Для обоснования указанного заключения возникла необходимость в проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы заявительницы при участии ее родителей. Клиническое исследование последствий воздействия событий 31 мая 2008 г. на состояние здоровья заявительницы должно было быть произведено врачом-психиатром. Д.С. представил подробную информацию о стоимости и продолжительности предложенного исследования.

22. Д.Т., психиатром некоммерческой организации «Социальная сфера» (г. Нижний Новгород), было проведено «экспериментально-психологическое исследование» заявительницы. Согласно заключению Д.Т. от 7 марта 2018 г., результаты исследования могли свидетельствовать о наличии признаков посттравматического стрессового расстройства и ряда других состояний (высокий уровень тревожности, низкий уровень адаптивности, «субдепрессивное состояние или маскированная депрессия» и переживание фобических расстройств), вызванных событиями 31 мая 2008 г. и последующим расследованием.

С. Проведение расследования следственными органами

23. 10 июля 2008 г. мать заявительницы обратилась в прокуратуру Апшеронского района с заявлением, в котором пожаловалась на избиение сотрудниками ФСКН ее мужа Б. в присутствии ее дочери А.,

в результате чего А. был причинен вред здоровью. Б. не оказывал сопротивления во время задержания. Его одежда оказалась порвана. А. не имела возможности покинуть автомобиль и, таким образом, была лишена свободы. Заявление было передано в Белореченский межрайонный следственный отдел Следственного Управления Следственного Комитета при Прокуратуре Краснодарского края (далее — Следственный комитет), который провел проверку сообщения о преступлении.

24. 10 июля 2008 г. С.К., В.Д. и А.О., сотрудники ФСКН, осуществлявшие задержание Б., и В.Е., заместитель руководителя отдела ФСКН по г. Туапсе, присутствовавший при задержании, представили идентичные письменные «объяснения» руководителю Следственного комитета, в которых утверждали, что во время задержания Б. к нему не применялась физическая сила. Они утверждали, что Б. был задержан возле его машины, в которой сидела его дочь А., и что после задержания Б. сам заставил ее выйти из машины и отправил домой.

25. 14 июля 2008 г. следователь М.В., ссылаясь на объяснения сотрудников ФСКН, отказал в возбуждении уголовного дела на том основании, что в их действиях отсутствовали признаки состава преступления, предусмотренного статьей 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий»). Следователь отметил, что, с учетом возраста заявительницы и наличия у нее сердечного заболевания, сам факт задержания ее отца мог спровоцировать развитие посттравматического стрессового расстройства.

26. Постановление следователя было отменено как незаконное и необоснованное, была назначена дополнительная проверка.

27. Следователем были получены материалы из ИВС ОМВД по Туапсинскому району, в котором содержался Б. после задержания. Согласно указанным материалам, Б. не сообщал о каких-либо жалобах, не обращался за медицинской помощью, наличие у него каких-либо телесных повреждений зафиксировано не было.

28. Следователь допросил заявительницу и ее мать, В.К. и его жену, Г.А. и А.Ш.

29. В.К., сотрудник ОМВД по Апшеронскому району, утверждал, что 31 мая 2008 г. около 10:30 утра он возвращался домой после смены. Он уже знал о том, что его двоюродный брат Б. был задержан сотрудниками ФСКН. Он увидел дочь Б., А., бегущую по улице. Она была напугана. Она рассказала ему, что неизвестные избивали ее отца. Согласно утверждениям жены В.К., являвшейся следователем ОМВД по Апшеронскому району, 31 мая 2008 г. около 10:30 утра она находилась дома. В какой-то момент после указанного времени ее муж вернулся домой вместе с А., которая была напугана и находилась в состоянии шока.

30. По словам Г.А., преподавателя заявительницы по классу скрипки, после событий 31 мая 2008 г. заявительница, демонстрировавшая до этого успехи и являвшаяся победительницей областного конкурса, не могла больше играть на скрипке, как раньше.

31. Согласно объяснениям А.Ш. от 19 августа 2008 г., 30 мая 2008 г. к нему обратились два человека, которые попросили его принять участие в проверочной закупке в качестве понятого. Он согласился. Оперативные мероприятия продолжались два дня. 31 мая 2008 г. он присутствовал при задержании Б. возле школы № 1. Е.Н., сотрудник ФСКН, передал Б. сумку с деньгами, после чего к Б. подошли несколько человек в гражданской форме одежды, предъявили ему удостоверения и отвели в свою машину. Рядом стояла еще одна машина, в которой сидела девочка. Б. велел девочке идти домой. Сотрудники ФСКН не кричали на девочку, не блокировали дверцы машины, в которой она сидела, и не препятствовали ей при выходе из машины. Примерно через 15 минут они начали проводить обыск автомобиля, и девочка вышла из него. Она была напугана, однако она не впадала в истерику и не плакала. Она пошла прочь обычным шагом, а затем побежала. Сотрудники ФСКН не применяли в отношении Б. никакой физической силы.

32. 21 августа 2008 г. следователь М.В. вновь отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников ФСКН на том основании, что в их действиях отсутствовали признаки состава преступления, предусмотренного статьей 286 УК РФ. В постановлении следователь утверждал, что достоверно не было установлено, применялась ли физическая сила в отношении Б. и удерживалась ли А. в автомобиле против ее воли. Дверцы машины были открыты, и она смогла самостоятельно выйти из нее. Никакое физическое или психологическое насилие в отношении нее не применялось, угрозы в ее адрес не высказывались. Нахождение сотрудников ФСКН возле машины не ограничивало ее свободу передвижения. После того, как она убежала, ее никто не преследовал, какие-либо попытки ее вернуть с целью удержания внутри машины и ограничения ее свободы не предпринимались. Приняв к сведению медицинские документы о состоянии здоровья А. после событий 31 мая 2008 г., следователь указал, что действия сотрудников ФСКН, направленные на задержание отца А., отсутствие уверенности в том, что именно происходило и как надлежало действовать в подобной ситуации, ошибочная оценка поведения сотрудников полиции как умышленного ограничения свободы передвижения, а также хорошо развитые воображение и чувствительность А. послужили в качестве мощного источника стресса, который мог вызвать последующее расстройство здоровья заявительницы.

33. Постановление следователя было вновь отменено, была вновь назначена дополнительная проверка.

34. Следователь М.В. получил протокол допроса Б. следователем Следственного комитета в присутствии адвоката 24 июля 2008 г. Согласно показаниям Б., С.К. и другие сотрудники ФСКН повалили его на землю, нанесли несколько ударов по туловищу и применили к нему наручники. Во время задержания они порвали ему рубашку. Б. не оказывал сопротивления во время задержания. Полученные им удары не оставили видимых следов повреждений на его теле.

35. 22 августа 2008 г. следователь М.В. опросил П.М., еще одного понятого, принимавшего участие в проверочной закупке наркотических средств. Согласно показаниям П.М., которые были по существу аналогичны показаниям А.Ш. (см. пункт 31), сотрудники правоохранительных органов, производившие задержание, были в гражданской одежде. Б. вел себя спокойно, его рубашка была расстегнута, но не повреждена, на его теле отсутствовали признаки каких-либо телесных повреждений. Б. говорил [с А.] достаточно твердо и решительно. Сотрудники ФСКН спросили его, почему он заставляет свою дочь идти домой, и заявили, что они могут взять ее с собой, когда направятся к нему домой для проведения обыска. Б. отказался.

36. Согласно объяснениям Е.Н., оперативного сотрудника отдела ФСКН по г. Туапсе, принимавшего участие в проверочной закупке наркотических средств в качестве покупателя (допрошен следователем М.В. 24 августа 2008 г.), 30 мая 2008 г. Б. передал ему наркотические средства, они договорились, что Е.Н. передаст Б. деньги за них на следующий день. Понятые наблюдали за передачей из машины. 31 мая 2008 г. около 08:30 возле школы № 1, после телефонного разговора Е.Н. передал сумку с деньгами Б. Дочь Б. находилась в машине неподалеку. После передачи денег Е.Н. и Б. были задержаны примерно восемью лицами в гражданской форме одежды, которые выпрыгнули из двух автомобилей. Они представились и предъявили свои удостоверения. Это были сотрудники ФСКН и Федеральной службы безопасности. Во время задержания к Б. не применялась ни физическая сила, против него не использовались какие-либо силовые-приемы или захваты. Б. вел себя спокойно и не оказывал сопротивления во время задержания. К дочери Б. не применялось какое-либо физическое или психологическое насилие, угрозы в ее адрес не высказывались. Никто не блокировал дверцы машины, в которой она находилась.

37. Согласно объяснениям сотрудников ОМВД по Апшеронскому району К.А. (допрошен 22 августа 2008 г.) и М.И. (допрошен 1 сентября 2008 г.), 31 мая 2008 г. они проезжали мимо школы № 1 на автомобиле и увидели своего коллегу, Б. Они остановились, вышли из машины и направились к нему. Их остановили лица в гражданской

форме одежды и сообщили, что дальше идти нельзя, так как проводятся оперативные мероприятия. Б. находился примерно в десяти метрах от них. Его рубашка была расстегнута и, по-видимому, немного порвана. Пуговицы на рубашке отсутствовали. Они не заметили на теле Б. признаки каких-либо телесных повреждений. Обстановка была спокойной, поэтому они ушли.

38. Согласно объяснениям С.С., сотрудника ФСКН (допрошен 24 августа 2008 г.), 31 мая 2008 г. он прибыл на место, где уже был задержан Б., после чего вместе с коллегами направился к дому Б. Он видел, как заявительница подошла к своему дому, а затем ушла оттуда.

39. Согласно объяснениям С.П., оперуполномоченного Белореченского отдела УФСБ по Краснодарскому краю (допрошен следователем Следственного комитета Р.З. 29 августа 2008 г.), присутствовавшего при задержании Б., в отношении Б. была применена физическая сила, поскольку он пытался скрыться с места преступления. Применение силы было необходимым и не являлось чрезмерным, в результате применения силы Б. не был избит. Дочь Б. находилась в машине Б. Б. было предложено проинформировать о произошедшем свою жену, чтобы она приехала и забрала девочку. Однако Б. настоял на том, чтобы девочка самостоятельно отправилась домой. Девочка послушалась отца и побежала домой. Никто не удерживал и не преследовал ее.

40. 29 августа 2008 г. следователь М.В. также допросил А.З., старшего оперуполномоченного управления собственной безопасности ФСКН, проводившего в период с 30 июля 2008 г. по 7 августа 2008 г. служебную проверку в связи с жалобой, поданной в ФСКН матерью заявительницы. А.З. изложил свои выводы следующим образом. Согласно объяснениям С.К., В.Д., А.О. и В.Е., сотрудников ФСКН, а также лиц П.М., И. и Г., Б. не был избит при задержании, а А. не удерживалась в автомобиле против ее воли. Б. сам велел ей выйти из машины, после чего она убежала. Никто не преследовал ее и не подвергал ее какому-либо психологическому воздействию. Р.Г., электрик ООО «Энергосервис», проверял светофоры на перекрестке возле места задержания. Он подтвердил, что видел, как С.К., сотрудник ФСКН, производивший задержание Б., нанес ему несколько ударов по туловищу. Однако, с учетом того, что директор ООО «Энергосервис» «официально» не подтвердил, действительно ли Р.Г. работал в тот день, а также с учетом того, что с 25 февраля 2007 г. Р.Г. состоял на учете как потребитель наркотических средств и неоднократно задерживался ФСКН за совершение административных правонарушений, связанных с употреблением наркотических средств, он мог дать ложные показания с целью опорочить сотрудников ФСКН. Согласно утверждениям «специалиста», предоставившего консультацию относительно медицинских документов А., А.

отличалась повышенной чувствительностью, эмоциональной неустойчивостью, избирательностью при установлении социальных контактов, высоким уровнем тревожности. С учетом имевшихся у нее неврологических нарушений даже незначительная стрессовая ситуация, особенно с участием ее отца, могла спровоцировать развитие у заявительницы психологической травмы. Возможно, ее отец не был избит непосредственно в ее присутствии. Факт ее длительного нахождения в машине не имел никакого отношения к пережитому ею стрессу. Таким образом, служебная проверка не установила вину сотрудников ФСКН в причинении во время задержания Б. вреда здоровью А.

41. 1 сентября 2008 г. М.В. вновь отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников ФСКН С.К., В.Д., А.О., В.Е., Е.Н. И С.С., обосновав свое решение с помощью вышеуказанных материалов и руководствуясь доводами, аналогичными изложенным в предыдущем постановлении. Он добавил, что с учетом отсутствия умысла, направленного на причинение вреда здоровью А., в законных и обоснованных действиях сотрудников ФСКН отсутствовали признаки состава преступления.

Д. Судебное разбирательство в связи с вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела

42. 12 сентября 2008 г. в ходе судебного разбирательства в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) Апшеронский районный суд отказал в удовлетворении жалобы матери заявительницы на постановление следователя от 1 сентября 2008 г. Суд признал указанное постановление законным и обоснованным, проведенную проверку сообщения о преступлении всесторонней, объективной и соответствующей УПК РФ. 22 октября 2008 г. Краснодарский краевой суд оставил в силе решение Апшеронского районного суда от 12 сентября 2008 г. Суд отметил, что при определенных обстоятельствах сотрудники правоохранительных органов могут законно применять физическую силу. Кроме того, у Б. не было зафиксировано никаких телесных повреждений. Решение по итогам служебной проверки в отношении сотрудников ФСКН об отсутствии вины в причинении вреда здоровью заявительницы было основано на заключении специалиста, охарактеризовавшего реакцию заявительницы на конфликтную ситуацию. Таким образом, Апшеронский районный суд правильно оценил постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, признав его законным и обоснованным.

Е. Прекращение уголовного преследования в отношении Б.

43. 30 декабря 2009 г. Р.К., следователь Следственного Управления Следственного Комитета при Прокуратуре Краснодарского края, прекратил уголовное производство в отношении Б. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления на том основании, что доказательства по делу были получены незаконно. Оригинал протокола проверочной закупки наркотических средств, на основании которого было возбуждено уголовное дело, отсутствовал. Имевшаяся в материалах дела копия указанного протокола являлась поддельной, поскольку отличалась от оригинала (в частности, имелись расхождения относительно места, где Е.Н. передал наркотические средства сотрудникам ФСКН). Для установления обстоятельств сбыта наркотических средств следователь Р.К. допросил П.М., одного из понятых, принимавших участие в оперативных мероприятиях. Согласно показаниям П.М., он, по просьбе сотрудников ФСКН, дал ложные показания о том, что 30 мая 2008 г. видел, как Б. передавал наркотические средства Е.Н., а Е.Н. впоследствии передавал их сотрудникам ФСКН. В тот день он не встречался с сотрудниками ФСКН и не был видел передачу наркотических средств. 31 мая 2008 г. С.С., сотрудник ФСКН отвез его и еще одного понятого, А.Ш., к месту неподалеку от школы № 1 в г. Апшеронске. Когда они прибыли, Б. стоял возле машины, на его руках были наручники. В машине лежала сумка с деньгами. П.М. не видел, кто положил ее туда. После этого они отправились в дом Б. для проведения обыска, однако жена Б. отказалась их впустить. После этого они направились в отдел ФСКН, где П.М. был продемонстрирован пластиковый пакет с наркотическими средствами. По утверждениям сотрудников ФСКН, Б. продал указанный пакет Е.Н., который затем передал его сотрудникам ФСКН. П.М. вспомнил, что он не читал документы, которые подписал по просьбе сотрудников ФСКН.

44. Следователь Р.К. отметил, что отсутствовали какие-либо видеозаписи или иные доказательства, способные объективно подтвердить, что Б. передавал наркотические средства Е.Н., в связи с чем установить обстоятельства сбыта наркотических средств не представляется возможным. Кроме того, уголовное дело в отношении Б. было возбуждено следователем А.Ф. в нарушение статьи 151 УПК РФ, предусматривавшей, что уголовные дела о преступлениях, совершенных сотрудниками полиции, подследственны следователями следственного комитета при прокуратуре. Сотрудникам ФСКН было известно, что Б. является сотрудником полиции. Таким образом, следственные действия, произведенные следователем ФСКН А.Ф., являлись незаконными, а полученные доказательства — недопустимыми.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

45. Заявительница жаловалась, что необоснованное применение физической силы в ее присутствии в отношении ее отца во время его задержания, а также обращение с ней со стороны сотрудников ФСКН нарушили ее права, предусмотренные статьей 3 Конвенции. Она также жаловалась на нарушение российскими властями статьи 13 Конвенции, поскольку не было проведено тщательное и независимое расследование указанных событий. Статьи 3 и 13 Конвенции предусматривают следующее:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.»

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в [настоящей] Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.»

A. Доводы сторон

1. Правительство

46. Правительство не согласилось с утверждениями заявительницы, аргументируя свою точку зрения результатами проверки сообщения о преступлении (см. пункт 17). Согласно позиции Правительства, присутствие заявительницы во время задержания Б. на месте преступления сразу после получения им денег за проданные наркотические средства не могло быть предвидено. Сотрудники, производившие задержание, также не могли предвидеть время и место преступления, совершенного Б. Если бы Б. не был задержан, доказательства его причастности к преступлению были бы утрачены.

47. Правительство заявило, что расследование предполагаемого жестокого обращения с заявительницей было всесторонним, тщательным и соответствовало требованиям статьи 3 Конвенции. Сведения о том, что к отцу заявительницы была применена физическая сила или что сама заявительница подверглась предполагаемому жестокому обращению, не подтверждаются чем-либо, кроме показаний членов семьи заявительницы. Заявительница воспользовалась эффективными внутренними средствами правовой защиты.

Соответствующие решения были приняты не в ее пользу, поскольку ее утверждения являлись необоснованными.

2. Заявительница

48. Заявительница утверждала, что она не получила никакой поддержки или защиты от представителей государства, став вынужденным свидетелем жестокого избиения ее отца во время его задержания. После того, как ее отец был задержан, она находилась одна в его машине, одна побежала домой и случайно была найдена одним из родственников на улице в состоянии глубокого шока. Указанные события имели серьезные последствия для ее здоровья и развития. Спустя десять лет после тех событий она все еще страдала от их последствий. С учетом того, что на момент тех событий ей было девять лет и, следовательно, она была более восприимчива к негативным последствиям жестокого обращения, чем взрослый человек, а также принимая во внимание продолжительные негативные последствия, которые такое обращение оказало на нее, уровень ее страданий был достаточно высок для того, чтобы квалифицировать обращение с ней со стороны сотрудников полиции как пытку.

49. Заявительница также утверждала, что власти должны были предвидеть ее возможное присутствие на месте задержания, поскольку оно производилось недалеко от школы, куда ее отвел отец. Например, власти могли бы связаться со школьной администрацией, чтобы предотвратить выход заявительницы из здания школы на время задержания, или обеспечить присутствие педагогического работника, способного оказать ей психологическую помощь во время задержания. После задержания они могли бы отвести ее обратно в школу, чтобы сократить время ее пребывания на месте задержания и чтобы предотвратить ее возвращение домой без сопровождения. Власти располагали необходимым временем, однако не приняли никаких мер, чтобы предотвратить или свести к минимуму вред, причиняемый ее здоровью.

50. Власти отказались возбудить уголовное дело в связи с предполагаемым жестоким обращением в отношении заявительницы со стороны сотрудников правоохранительных органов, вместо надлежащего расследования она провела поверхностную проверку сообщения о преступлении. Решение об отказе в возбуждении уголовного дела было основано на показаниях сотрудников ФСКН и не учитывало доказательства, подтверждавшие утверждения заявительницы и демонстрировавшие противоречия между показаниями сотрудников ФСКН и иных свидетелей.

В. Приемлемость жалобы

51. Суд отмечает, что настоящие жалобы не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35(3)(а) Конвенции. Он также отмечает, что жалобы не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Таким образом, настоящие жалобы следует признать приемлемыми для рассмотрения дела по существу.

С. Существо дела

1. Общие принципы

52. Суд напоминает, что в статье 3 Конвенции закреплена одна из наиболее фундаментальных ценностей демократического общества. Данная статья содержит абсолютный запрет применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания независимо от обстоятельств и поведения жертвы (см. постановление по делу *Kudła v. Poland* [GC], №30210/96, § 90, ECHR 2000-XI).

53. Указанные положения статьи 3 Конвенции, толкуемые в совокупности с закрепленным в статье 1 Конвенции обязательством государств «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», подразумевают требование провести эффективное официальное расследование в случае, если какое-либо лицо утверждает, что оно подверглось обращению, нарушающему статью 3 Конвенции, со стороны сотрудников полиции или иных аналогичных представителей государства, и такие утверждения заслуживают доверия. Эффективным будет считаться расследование, способное установить личность и привлечь к ответственности виновных лиц (см. постановление по делу *Labita v. Italy* [GC], №26772/95, § 131, ECHR 2000-IV). В противном случае общий правовой запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, несмотря на его основополагающее значение, был бы неэффективным на практике, и в определенных случаях представители государства могли бы практически безнаказанно нарушать права тех, кто находится под их контролем (см. постановления по делам *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 October 1998, § 102, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII).

54. Утверждения о жестоком обращении, нарушающем статью 3 Конвенции, должны быть обоснованы соответствующими доказательствами. Для установления фактов Суд применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. *Ireland v. The United Kingdom*, 18 January 1978, § 161 *in fine*, Series A №25). В то же время,

подобное доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или на совокупности неопровержимых презумпций фактов (см. постановление по делу *Salman v. Turkey* [GC], №21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

55. В отношении детей, чье положение является особенно уязвимым, меры, принимаемые государством для их защиты от насильственных действий, нарушающих статьи 3 и 8 Конвенции, должны быть эффективными, направленными на предотвращение жестокого обращения, о котором власти знали или должны были знать, а также способными эффективно сдерживать серьезные нарушения личной неприкосновенности. Такие меры должны быть направлены на обеспечение уважения человеческого достоинства и защиту интересов ребенка (см. постановление по делу *Söderman v. Sweden* [GC], № 5786/08, § 81, ECHR 2013).

56. Суд ранее установил в деле *Gutsanovi*, что потенциальное присутствие детей, чей юный возраст делает их психологически уязвимыми, на месте задержания является фактором, который следует принимать во внимание при планировании и проведении оперативных мероприятий (см. *Gutsanovi v. Bulgaria*, № 34529/10, § 132, ECHR 2013 (выдержки)). В указанном деле Суд установил, что проведение полицейской операции ранним утром и участие в ней специальных агентов в масках способствовали усилению чувства страха и тревоги у детей, присутствовавших при задержании их отца. Подобное обращение превысило минимальный порог жестокости, необходимый для применения статьи 3, и достигло уровня унижающего достоинство обращения (там же, § 134).

2. Применение общих принципов к настоящему делу

а) Установление фактов;

57. Стороны не оспаривают тот факт, что заявительница присутствовала на месте задержания Б. и видела, что с ним произошло, а также тот факт, что вскоре после этих событий у нее был диагностирован ряд заболеваний, включая неврологическое расстройство, энурез и посттравматическое стрессовое расстройство. Заявительница утверждала, что ее расстройство здоровья было вызвано ее присутствием при применении физической силы к ее отцу, который не оказывал сопротивления при задержании, однако был повален на землю и избит. В частности, некоторые удары наносились по туловищу ногами. Правительство оспорило утверждения заявительницы о применении физической силы в отношении Б. во время его задержания, в связи с чем власти не могут нести ответственность за какой-либо ущерб, причиненный заявительнице. В

своих доводах Правительство ссылалось на материалы из ИВС, в котором содержался Б., а также на полученные в ходе проведения проверки сообщения заявительницы о преступлении объяснения и показания:

- Сотрудников ФСКН С.К., В.Д., А.О., В.Е., Е.Н. и С.С.;
- Сотрудника Федеральной службы безопасности С.П.;
- Сотрудников ОМВД по Апшеронскому району К.А. и М.И.;
- Понятых А.Ш и П.М., а также
- Сотрудника ФСКН А.З., проводившего служебную проверку (см. пункт 17).

Суд рассматривает указанные материалы вместе с иными материалами по настоящему делу, имеющимися в его распоряжении.

58. Согласно материалам из ИВС, в котором Б. содержался после задержания, какие-либо признаки или следы телесных повреждений у него отсутствовали, о каких-либо жалобах он не сообщал (см. пункт 27). Суд не считает необходимым проверять достоверность этих материалов с учетом утверждений самого Б. о том, что нанесенные ему во время задержания удары не оставили каких-либо видимых следов на его теле (см. пункт 34). Нельзя исключать, что в результате предполагаемого применения к Б. физической силы, в частности, когда он был повален на землю, и ему было нанесено несколько ударов ногами, на его теле не осталось каких-либо видимых следов. Суд отмечает, что, согласно утверждениям Б. и свидетеля Р.Г. (см. пункты 10 и 13), сотрудники ФСКН, производившие задержание Б., в том числе и те, кто предположительно применял к нему физическую силу, были одеты в спортивные костюмы (см. также показания понятых А.Ш. и П.М., сотрудника ФСКН Е.Н. и сотрудников ОМВД по Апшеронскому району К.А. и М.И., упоминавших, что производившие задержание сотрудники были в гражданской форме одежды, пункты 31 и 35-37). В связи с этим можно предположить, что сотрудники носили кроссовки, которые, в отличие от армейской обуви, могли не оставить ушибов и ссадин (см., например, постановление по делу *Ksenz and Others v. Russia*, № 45044/06 и 5 других, § § 39, 43, 45 и 96, 12 декабря 2017 г.).

59. Согласно идентичным письменным «объяснениям» сотрудников ФСКН С.К., В.Д. и А.О., производивших задержание Б., и заместителя руководителя отдела ФСКН по г. Туапсе В.Е., присутствовавшего при задержании Б., во время задержания к нему не применялась физическая сила (см. пункт 24). Согласно утверждениям сотрудника ФСКН Е.Н., участвовавшего в проверочной закупке наркотических средств в качестве покупателя и присутствовавшего при задержании Б., в отношении Б. не применялись физическая сила, «силовые приемы» или приемы «захвата» (см. пункт 36). Помимо того, что вышеупомянутые должностные лица были непосредственно

заинтересованы в том, чтобы отрицать обвинения заявительницы, их утверждения не согласуются с утверждениями С.П. и Р.Г.

60. С.П., сотрудник Федеральной службы безопасности, присутствовавший при задержании Б., признал, что в отношении Б. была применена физическая сила в связи с необходимостью пресечь его попытки скрыться. Применение физической силы не было чрезмерным и не переходило в избиение (см. пункт 39). Следует отметить, что утверждения С.П. о попытках Б. скрыться не подтверждаются показаниями сотрудников ФСКН (см. пункты 24 и 36), понятых (см. пункты 31 и 35) или свидетеля Р.Г. (см. пункт 13). Также отсутствовали утверждения о том, что Б. оказывал сопротивление во время задержания.

61. Согласно утверждениям Р. Г., электрика, производившего утром 31 мая 2008 г. ремонтные работы на светофоре возле школы № 1 и наблюдавшего задержание Б, сотрудник ФСКН С.К. применял к Б. физическую силу во время задержания (см. пункт 40): он повалил Б. на землю и нанес ему несколько ударов ногами (см. пункт 13). Сотрудник ФСКН А.З., проводивший служебную проверку, признал показания Р.Г. недостоверными. Он утверждал, что Р. Г. являлся наркоманом и ранее задерживался за административные правонарушения, связанные с потреблением наркотических средств. Кроме того, его работодатель не подтвердил, что Р. Г. действительно работал в этом районе 31 мая 2008 г. (см. пункт 40). Суд не находит оценку А.З. убедительной, поскольку А.З. являлся сотрудником того же подразделения, что и сотрудники ФСКН, предположительно являвшиеся виновными лицами, в связи с чем возникает вопрос о независимости проведенной им служебной проверки. Предположительное употребление Р.Г. наркотических средств и непредставление работодателем соответствующих сведений сами по себе не являются достаточными основаниями для признания недостоверными показаний Р.Г. Подробности возбуждения против Р.Г. каких-либо дел об административных правонарушениях не уточнялись. Кроме того, Р. Г., чьи показания являются крайне важными для надлежащего установления фактов, никогда не допрашивался следователями Следственного комитета, которые опирались на оценку А.З. То же самое справедливо и в отношении «специалиста» (его имя, квалификация и иные сведения также не уточнялись), предположительно консультировавшего А.З. На мнении данного специалиста основывались доводы А.З. о наличии у заявительницы неврологической патологии, в связи с чем она якобы могла получить психологическую травму даже в результате незначительной стрессовой ситуации (см. пункт 40), в том числе, при простом наблюдении процесса задержания Б. без применения физической силы. Данные выводы были приняты во внимание при проведении проверки

сообщения заявительницы о преступления, хотя указанный «специалист» не был допрошен.

62. Суд также отмечает, что сотрудник ФСКН С.С. прибыл на место задержания Б. уже после того, как Б. был задержан, следовательно, он не видел сам процесс задержания (см. пункт 38). То же самое относится и к коллегам Б. из ОМВД по Апшеронскому району, К.А. и М.И. (см. пункт 37). Последний утверждал, что рубашка Б. была расстегнута и немного порвана, а пуговицы на рубашке отсутствовали. Таким образом, показания К.А. и М.И. подтверждают доводы заявительницы о том, что во время задержания ее отца в результате применения физической силы его рубашка была порвана, а пуговицы оторваны. Данные доводы также подтверждается показаниями ее родителей (см. пункты 10, 12 и 34) и фотографиями рубашки (см. пункт 16).

63. Наконец, Правительство ссылалось на показания понятых, принимавших участие в оперативных мероприятиях 30 и 31 мая 2008 г., А.Ш. и П.М., согласно которым во время задержания к Б. не применялась физическая сила (см. пункты 31 и 35). Однако, спустя год П.М. во время допроса в качестве свидетеля по уголовному делу против Б. признал, что он давал ложные показания о том, что видел передачу наркотических средств и денег, по просьбе сотрудников ФСКН. Он также признал, что 31 мая 2008 г. он и А.Ш. были доставлены на место задержания Б. уже после того, как последний был задержан (см. пункт 43). Как следует из показаний понятого П.М., ни он, ни А.Ш. не видели момент задержания Б., следовательно, представленные ими в ходе проверки сообщения заявительницы о преступлении объяснения не могут быть приняты в качестве доказательств. Кроме того, их показания с учетом выводов, изложенных в постановлении о прекращении уголовного преследования в отношении Б. (см. пункты 43-44) и не оспоренных Правительством, подрывают доверие к утверждениям сотрудников ФСКН и доводам Правительства о невозможности предугадать временные и географические обстоятельства преступления Б. и предвидеть присутствие заявительницы на «месте преступления», а также о необходимости задержания Б. в целях предотвращения утраты доказательств (см. пункт 46).

64. Очевидно, что утром 31 мая 2008 г. Е.Н., участвовавший в проверочной закупке наркотических средств в качестве покупателя, узнал из телефонного звонка, что Б. находился в школе (см. объяснения Е.Н. и утверждения Б. относительно информированности Е.Н. о том, что Б. находился в школе со своим ребенком, пункты 36 и 10 соответственно). Когда Б. вышел из школы вместе с заявительницей, Е. Н. уже ждал его. Непосредственно сразу после встречи с Е.Н. Б. был задержан сотрудниками ФСКН, признававшими

в своих письменных объяснениях, что в момент задержания Б. находился возле своей машины, в которой сидела его дочь А. (см. пункт 24). Из показаний сотрудника Федеральной службы безопасности С.П. также следует, что сотрудникам правоохранительных органов, производившим задержание Б., было известно о присутствии его дочери (см. пункт 39).

65. Суд не может принять во внимание довод заявительницы о том, что ей пришлось добираться домой без сопровождения, поскольку данный вопрос не затрагивался в ходе национального судебного разбирательства (см. пункт 23). Суд также не может установить вне разумных сомнений на основе имеющихся в его распоряжении материалов достоверность либо ложность утверждений заявительницы о грубом обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов и удержании в автомобиле. Тем не менее, с учетом вышеизложенного Суд приходит к выводу, что утверждения заявительницы о ее присутствии при задержании ее отца с применением физической силы являются достоверными.

в) Соблюдение требований статьи 3 Конвенции

66. Суд отмечает, что версия Правительства относительно фактов и обстоятельств настоящего дела была основана на результатах проверки сообщения о преступлении, являющейся первым этапом уголовного производства. Суд уже отмечал, что простая проверка сообщения о преступлении, за которой не следует производство предварительного расследования, не отвечает требованиям статьи 3 Конвенции о проведении властями эффективного расследования заслуживающих доверия утверждений о жестоком обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов (см. постановление по делу *Lyapin v. Russia*, № 46956/09, § 136, 24 июля 2014 г., и недавнее постановление по делу *Samesov v. Russia*, № 57269/14, § 51, 20 ноября 2018 г.). В настоящем деле Суд не находит оснований для отступления от своей позиции. В ответ на заслуживающие доверия утверждения заявительницы о том, что она подверглась обращению, нарушающему статью 3 Конвенции, власти провели простую доследственную проверку, после чего отказались возбуждать уголовное дело и проводить полноценное расследование. Такое поведение властей было поддержано национальными судами, в результате чего процессуальные обязательства в соответствии со статьей 3 Конвенции были нарушены. С учетом результатов доследственной проверки Правительство не представило достаточных доказательств, способных поставить под сомнение достоверные утверждения заявительницы о ее присутствии при применении к ее отцу физической силы во время задержания. Таким образом, Суд признает версию событий, изложенную заявительницей, более достоверной (см. постановления

по делам *Olisov and Others v. Russia*, № 10825/09 и 2 других, § 85, 2 Мая 2017 г., и *Samesov*, цитируемый выше, § 53).

67. Интересы заявительницы, которой на момент событий было девять лет, не принимались во внимание властями ни на этапе планирования оперативных мероприятий в отношении ее отца, ни на этапе их непосредственного производства. Сотрудники правоохранительных органов не обращали внимания на ее присутствие, о котором они были осведомлены, и продолжали на ее глазах проводить задержание ее отца с применением физической силы в отсутствие какого-либо сопротивления с его стороны. Такое обращение оказало серьезное влияние на здоровье заявительницы и, по мнению Суда, свидетельствовало о неспособности властей предотвратить жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов в отношении нее (см. пункт 55).

68. Таким образом, имело место нарушение властями позитивных обязательств, предусмотренных статьей 3 Конвенции в ее материальном аспекте.

69. Также, имело место нарушение статьи 3 в ее процессуальном аспекте в связи с тем, что эффективное расследование инцидента властями не было проведено.

70. Ввиду того, что Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в процессуальном аспекте, он не считает необходимым рассматривать отдельно жалобу заявительницы на отсутствие эффективного расследования инцидента 31 мая 2008 г. как нарушение статьи 13 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

71. Заявительница жаловалась, что необоснованное применение в ее присутствии физической силы в отношении ее отца также оскорбило ее чувства к любимому отцу и нарушило ее права, предусмотренные статьей 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.»

72. Правительство оспаривало данный довод.

73. Суд отмечает, что данная жалоба связана с жалобой, рассмотренной выше, и, следовательно, также должна быть признана приемлемой.

74. Принимая во внимание выводы относительно жалобы заявительницы о нарушении статьи 3 Конвенции (см. пункты 67-68), основанной на тех же фактах, что и ее жалоба на нарушение статьи 8 Конвенции, Суд полагает, что основные вопросы настоящей жалобы уже были проанализированы выше, в связи с чем необходимость рассматривать вопрос о нарушении статьи 8 отсутствует.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

75. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

A. Ущерб

76. Заявительница требовала возмещения морального вреда. Определение размера возмещения было оставлено на усмотрение Суда.

77. Правительство заявило, что статья 41 Конвенции должна применяться с учетом имеющейся практики Суда.

78. Суд присуждает заявительнице 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

B. Судебные расходы и издержки

79. Заявительница также требовала 4 500 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

80. Правительство заявило, что статья 41 Конвенции должна применяться с учетом имеющейся практики Суда.

81. Согласно практике Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек лишь в случае, если было доказано, что указанные расходы и издержки были фактически понесены заявителем и являлись разумными. В настоящем деле с учетом вышеизложенных критериев, а также имеющихся в распоряжении Суда документов, в частности Договора об оказании юридических услуг, заключенного заявительницей после подачи жалобы по настоящему делу, Суд считает целесообразным присудить заявительнице 3 500 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

С. Проценты за просрочку выплаты компенсации

82. Суд полагает, что процентная ставка при просрочке выплаты компенсации должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

**НА ОСНОВАНИИ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО СУД
ЕДИНОГЛАСНО:**

1. *Объявил* жалобу приемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в материальном аспекте, поскольку власти не смогли предотвратить жестокое обращение с заявительницей;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в процессуальном аспекте, поскольку по жалобе заявительницы не было проведено эффективное расследование;
4. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать жалобу на отсутствие эффективного расследования как нарушения статьи 13 Конвенции;
5. *Постановил*, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу в части нарушения статьи 8 Конвенции;
6. *Постановил*,
 - (a) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты:
 - i) 25 000 евро (двадцать пять тысяч евро), а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 3500 евро (три тысячи пятьсот евро), а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации судебных расходов и издержек заявителя;
 - (b) что с даты истечения указанного трехмесячного периода и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

ПОСТАНОВЛЕНИЕ «А. против РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
Перевод постановления выполнен по заказу МРОО «Комитет против пыток»
Translated as per the request of the NGO Committee Against Torture

7. *Отклонил* оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 12 ноября 2019 г. в соответствии с Правилами 77(2) и 77(3) Регламента Суда.

Stephen Phillips
Секретарь Секции

Paul Lemmens
Председатель